

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА
В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

●
Крапленая карта мира
Девять с половиной идей
Шпионка, пришедшая с севера
Хозяйка Изумрудного города
Трудно быть солнцем
Вечность продается со скидкой
Золотая клетка для синей птицы
Кровь Троянского коня
Закат созвездия Близнецов
Восьмой смертный грех
Дворец, где разбиваются сердца
Ключ к волшебной горе
Профессия - первая леди
Демоны зимних ночей
Шоу в жанре триллера
Звездный час по тарифу
Ночь с Каменным Гостем
Вилла розовых ангелов
Святой нимб и терновый венец
Воздушный замок Нострадамуса
Лес разбуженных снов
Побег с Азурного берега
Еще один знак Зодиака
Миф страны эдельвейсов
Последний бог
Код одиночества
Под маской кеппи-энда
Вендетта. День первый
Огненный холод
Вечер в городе соблазнов
Интервью с магом
Корона последней принцессы
Лига охотников за вампирами
Тайный приют олигарха
Имя мне легион
Хранители судьбы
Призраки страсти
Ночь всех святых
Знак свыше
Жрец смерти
Псевдоним Венеры
Путешествие в сны
Русалки белого озера
Вечной жизни не хватит
Обратная сторона смерти
Глаза цвета тьмы
Венец творения
Связанные одной тайной
Зеркальный лабиринт мести
Потрошитель душ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ТАНЦУЮЩАЯ
С ДЬЯВОЛОМ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *С. Груздева*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Танцующая с дьяволом : [роман] / Антон Леонтьев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Авантюрная мелодрама).

ISBN 978-5-699-90072-5

Успешная бизнес-леди Лариса Марыгина осматривала новый офис, который собиралась приобрести ее компания, и неожиданно наткнулась на странную комнату. Когда бронированную дверь вскрыли, в помещении обнаружили вещи, принадлежащие жертвам маньяка-убийцы. Лариса сразу поняла это, ведь много лет назад трагедия коснулась и ее семьи. Женщина до сих пор мучительно переживала, казня себя за то, что не смогла предотвратить ее... И вот теперь ей в руки попали неопровержимые доказательства, которые позволят покарать монстра! Но справится ли она с ним в одиночку? Лариса еще не знает, что вскоре у нее появится верный союзник, ведь помощь придет оттуда, где она даже не подумала бы ее искать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90072-5

Сегодня пеку, завтра пиво варю.
Послезавтра у королевы дитя заберу.
Как хорошо, что никто не знает,
Что Румпельштильцхен меня величают!

«Румпельштильцхен».
Братья Гримм

ПРОЛОГ

— Мама, мамочка, у меня болит живот! — произнес Тимка, хитро прищурив один глаз. — Можно, я не пойду сегодня в музыкалку?

Лариса, взглянув на сына в зеркало заднего вида, услышала писк мобильного и попыталась нащупать его, однако проклятый аппарат выскользнул из рук и улетел вниз, под педаль газа.

И ведь наверняка это была Алла Георгиевна! Ну конечно, она самая, нетерпеливая, властная, ненавидящая возражения начальница...

Начальница, которая более всего не любит, когда подчиненные не отвечают на ее звонки. А еще страшнее — «сбрасывают» их.

А судя по тому, что мобильный замолк, звонок при падении оказался именно что «сброшенным».

— Мама, мамочка, ну пожалуйста! — продолжал нудеть Тимка, который, несмотря на свои семь лет, был великим стратегом и отличным тактиком и всегда получал то, к чему стремился. Ну, или почти всегда.

Телефон запищал снова, Лариса, придерживая левой рукой руль, нагнулась, стараясь правой нащупать мерзкий кусок пластика, издающий столь неприятные звуки. То, что она не приняла, — вернее, по версии

Аллы Георгиевны, конечно же, «сбросила» ее звонок, — это еще полбеды.

Окончательной бедой было бы, если бы она не приняла или «сбросила» второй...

— Ну мамочка! Ты же не можешь заставить меня, больного ребенка, переться в музыкалку! — ныл Тимка. Лариса в сердцах прикрикнула на сына, чья антипатия к музыкальной школе была ей отлично известна, но она уже второй год подряд пыталась это игнорировать.

— Замолчи, пожалуйста! Я ведь знаю, что ты врешь! Никакой живот у тебя не болит!

Сын обиженно всхлипнул, а Лариса, воспользовавшись тем, что автомобиль как раз остановился на красном свете, быстро нагнулась и нащупала надрывающийся мобильник.

— Да, Алла Георгиевна! — произнесла она, сразу же приняв звонок и более всего опасаясь, что мегера-начальница уже потеряла терпение и положила трубку.

Однако это была не Алла Георгиевна.

— Лариса, нам нужно поговорить! — донесся из аппарата командирский голос ее бывшего, Антона. Лариса про себя застонала — хотя, кажется, не про себя, а очень даже явно.

— Нам не о чем говорить! — заявила она, намереваясь завершить ненужный контакт с этим ненужным человеком. Человеком, которого она когда-то очень сильно любила. И который был отцом того, кто скрючился сейчас на заднем сиденье ее «Хонды» и делал вид, что терзается ужасными болями, желая получить разрешение не идти в этот вторник на занятия в музыкалку.

— Есть о чем! — прорычал ее бывший. Неужели это тот человек, который умел быть таким ласковым и нежным, таким... Таким чувственным в моменты страсти?

А еще ужасно мелочным, необычайно истеричным, фантастически жадным и, что кошмарнее всего, в пух и прах изовравшимся.

Да, он — многогранный. Именно так Антон любил характеризовать себя, отчего-то считая данный эпитет комплиментом.

— И о чем же, многогранный вы наш? — саркастически спросила Лариса, услышав нетерпеливое гудение и не поняв сначала, что за идиот стоит на перекрестке и не едет дальше, хотя красный сигнал светофора уже давно сменился на зеленый.

Идиотом была она сама.

Какой-то крутой лихач на крутой же тачке обогнал ее, нахально выехав на встречную полосу; за рулем находился распущенный мажор, а сидящая около него расфуфыренная девица в декадентских серебристых мехах, явно представительница платиново-иридиевой молодежи столицы, показала ей средний палец, увенчанный розовым когтем и украшенный перстнем с изумительно переливающимся камнем, на который не хватило бы всех заработков Ларисы за всю ее трудовую жизнь.

Девица гаркнула какую-то гадость, причем даже матерную, а Лариса, раздосадованная всем, что навалилось на нее в этот вторник, в сердцах крикнула:

— На себя посмотри, шлюха великосветская!

И, конечно же, сразу пожалела об этом, потому что Тимка, только что изобразивший из себя тяжелобольного и дожидавшийся материнского разрешения не ходить в ненавистную музыкалку, стал корчить несусветные рожи, грозить умчавшейся в асфальтную даль иномарке с мажором и девицей в мехах и с перстнем и на весь салон радостно вопить:

— Шлюха великосветская! Великосветская шлюха!

— Лариса! — возмутился ей в ухо бывший. — Чему ты учишь нашего сына? Ты думаешь, с учетом таких

обстоятельств я разрешу ему остаться с тобой? Ты плохая мать!

— А про тебя я даже не могу сказать, что ты плохой отец, Антоша! — холодно ответила Лариса. — Потому что ты ему отец вообще никакой! Оставь нас в покое!

И завершила разговор. Разумеется, она тотчас пожалела об этих словах. И больше не из-за возможных душевных терзаний бывшего (весь процесс их расставания, а также предшествовавшие этому гадкий фарс и жалкая комедия, на которые у нее, без ее на то желания, был несдаваемый годовой абонемент, доказали, что души у Антоши нет по определению или что она, быть может, атрофировалась у него еще в эмбриональном состоянии), а из-за того, что эти слова мог слышать семилетний Тимка, отца, несмотря на всю семейную катавасию и его уход к новой женщине, успешшей от него даже родить, обожавший.

Но Тимка продолжал выкрикивать похабности, услышанные не от кого иного, как от нее самой, поэтому ее последнее замечание осталось незамеченным.

Лариса бросила взгляд на приборную доску — часы показывали без двадцати четыре. А ведь занятия в музыкалке начинаются в четыре! И, что хуже, полпятого ей нужно быть на планерке у Аллы Георгиевны — и это несмотря на то, что она упорно просила не назначать совещания на столь позднее время, в особенности во вторник, когда у Тимки музыкалка, и в четверг, когда у него бассейн.

Но, конечно же, Алле Георгиевне доставляло особое, явно садистское удовольствие раз за разом назначать планерку или на вторую половину дня на вторник, или на четверг — или в оба этих дня.

— Тима, перестань! — крикнула Лариса, а сын, на секунду прекратив распевать на все лады «шлюха великосветская», спросил:

— А если перестану, в музыкалку не поедем? Мамочка, ну давай сегодня пропустим!

— Только не говори, что у тебя болит живот! — отрезала Лариса. — Больные с улыбкой до ушей не распевают всяческую чушь в присутствии родной матери!

Тимка вздохнул, понимая, что попался. Потом его лицо помрачнело, и он сказал:

— Мамочка, ну пожалуйста, давай сегодня я не пойду! Да, у меня ничего не болит, но... Но у меня плохое предчувствие...

Лариса фыркнула — нет, какой, однако, в нем артист погибает! У меня плохое предчувствие... Хоть стой, хоть падай! Причем она даже знала, откуда он увел эту фразочку, звучащую из уст современного семилетнего мальчишки столь дико. Из воскресного фильма, который они (после отличной совместной прогулки в парке Горького), укутавшись в плед, смотрели вместе по телевизору. Этакий тоскливый триллер с элементами мистики, который семилетнему ребенку смотреть, конечно, не стоило, но ведь хитрец Тимка (вообще-то большой фанат «Формулы-1») добился-таки, чтобы она не переключила на другой канал. И вот там герой, обладавший экстрасенсорными способностями, кстати, тоже мальчик его возраста, причем даже чем-то похожий на Тимку, время от времени выдавал эту фразу — после чего кто-то из второстепенных персонажей погибал.

Тут снова зазвонил телефон. Лариса схватила его и крикнула:

— Антон, я говорю совершенно серьезно! Оставьте нас в покое, иначе...

— Лариса, вы где? — донеслось до нее раскатистое контрольное Аллы Георгиевны. — Почему сбросили мой звонок?

Лариса пробормотала извинения, но начальница их проигнорировала и продолжила:

— У меня для вас поручение, причем крайне ответственное...

Иных — неотвественных — у Аллы Георгиевны не было по определению.

...Они прибыли к зданию, в котором располагалась музыкальная школа, без трех минут четыре. Лариса вышла из салона и вынула из багажника ранец сына. Тимка, понурый и какой-то квелый, сидел на заднем сиденье и апатично смотрел в окно.

А может, Антон прав — и она плохая мать? Думает только о своей карьере. О том, как угодить этой мегере Алле Георгиевне. Как добиться скорого повышения и увеличения зарплаты. Ведь ей, матери-одиночке, оно ой как нужно! Ибо на Антона рассчитывать не стоит — больше того, что положено по закону, не даст, да и положенное выделит с жутким скрипом и таким мученическим выражением лица, словно она снимает с него последнюю рубашку. Думает она и о том, что один из коллег стал за ней ухлестывать, и ей, кажется, это даже приятно. И что отпуск, который они планировали на Новый год всей семьей, теперь, после ухода Антона, накрылся медным тазом и что не будет тебе никакого теплого ласкового моря и белого песка, раскаленного золотым солнцем...

Лариса присела перед сыном, поправила шнурки на навороченных, цветных, недавно купленных кроссовках, тыльной стороной ладони пощупала его лоб. Нет, температуры не было.

— Тимыч, ну в чем дело? — спросила она тихо.

Сын посмотрел на нее и вздохнул, а потом произнес:

— Мамочка, ты же знаешь...

Да, она знала, что он не переваривает музыкалку. Что ему хочется вместо этого ходить на футбол. Но знала и то, что они с сыном договорились, что примут

решение относительно этого после того, как он проходит в музыкалку три года, а миновали только полтора.

— Тима, и ты знаешь! — сказала она и попыталась привлечь его к себе, чтобы поцеловать в лоб. Но сын вывернулся и неожиданно громко ответил:

— Да, я знаю! И не отказываюсь от своего слова, мамочка. Ты же меня знаешь!

Да, она его знала. Тимка прилагал все усилия, чтобы увильнуть от тяготивших его обязанностей, но если ничего не выходило, с честью и стоическим терпением выполнял их, не жалуясь, не скуля и не обманывая.

Лариса все же привлекла сына к себе, поцеловала, провела рукой по его вихрастой макушке и сказала:

— Ну, Тимыч, тогда в чем же дело?

— Мамочка, у меня плохое предчувствие! — повторил он с видом страдальца.

Лариса вздохнула, поднялась и протянула сыну ранец. Что ж, раньше он не врал, а сейчас, кажется, начинает меняться. Наверное, весь в папочку: что поделать, гены. Раньше делал то, к чему и душа не лежала, а теперь, взрослея, начинает изобретать фантастические отговорки.

— Ты же знаешь, Тимыч, уговор дороже денег, — напомнила Лариса. — Мобильный включен? Если твое предчувствие оправдается, сразу звони!

Хотя какое такое предчувствие? Никакого такого предчувствия у Тимки, естественно, не было. Просто запомнил хлесткую фразу из этого идиотского фильма, в котором все было притянута за уши, в особенности развязка, и решил испробовать на мамочке.

Да, растет сынок. Но что она может поделать?..

Сын нехотя поднялся с сиденья и шагнул на покрытый ноябрьской слякотью тротуар. Лариса помогла ему закинуть на спину ранец и пригладила взлохмаченные кудри.

— Смотри, Тимыч, ведь уже середина ноября. Всего четыре раза в музыкалку — а потом каникулы! И Новый год!

Сын по-стариковски вздохнул:

— Не всего, а целых четыре раза. И не четыре, а с сегодняшним — целых пять, мамочка! Пять раз этот ужасный ужас!

Лариса рассмеялась, поправила ляжку ранца, хотела было захлопнуть дверцу автомобиля, чтобы проводить сына в музыкальную школу, но заметила что-то яркое и блестящее на заднем сиденье.

Ну конечно, Электоник. Именно так, без «р». Робот-трансформер, которого Антон подарил сыну в тот день, когда заявил, что уходит из семьи. Как будто ребенка можно купить такими подношениями.

Оказалось, можно. Тимка был в восторге, висел на отце, бесился — и даже, кажется, не понял, что тот пытается так откупиться от собственного отпрыска.

Робот был, конечно, классный, умел ходить, стрелять из фырчащего и переливающегося синим и красным бластера, и легким движением руки его можно было переделать в космический корабль или динозавра.

Нет, плохим отцом Антон не был — он был отцом очень даже продуманным. Знал ведь, что приведет сына в восторг, и купил этого робота, хотя стоил он немало.

Но, видимо, в такую сумму Антон оценил их семейное счастье и собственную совесть. Хотя, подобно душе, совесть у него также атрофировалась — причем наверняка не в эмбриональном состоянии, а еще в момент зачатия или даже до него.

— Ну а Электоник как же? — спросила Лариса, беря робота с сиденья. Тимка не расставался с ним даже во сне, брал и в школу, пряча в своем вместительном ранце.

— Не хочу, — буркнул сын, и у Ларисы от удивления челюсть отвисла. Что значит — не хочу? Или Тимка вдруг понял, что это подарок отца, предавшего их ради другой женщины с другим ребенком, и решил отказаться от эксклюзивной игрушки?

— Почему? — спросила она, а мальчик произнес:

— Он все время меняется. Прямо как папа...

Значит, дело именно в этом. Нет, сын не такой идет, каким его считает Антон, он все понял, может, и с опозданием, но осознал, что родной папаша пытался замолить свои грехи этим дорогушим роботом...

Лариса взглянула на часы — пять минут пятого! Занятие в музыкалке уже началось, а они все еще на улице. Она заметила знакомую полную фигуру в красном пальто и черной шляпе, мать одной из учениц, а рядом и саму опрятную девочку в больших очках и беретке.

— Ах, вы тоже опаздываете! — с облегчением воскликнула Лариса, а маман в красном пальто и черной шляпе возразила:

— Вы думаете, она будет там? Я имею в виду нашу золотую преподавательницу! Она ведь вечно приходит на десять, а то и на все пятнадцать минут позже. Так ведь, деточка?

Дочка кивнула, а Лариса заметила, что Тимка при появлении девочки в очках и беретке встрепенулся и принял вид скучающего франта. Надо же, а ведь ребенок в самом деле растет! Только что он нашел в этой неприметной, даже уродливой девочке? Лариса подумала, что ее красавцу Тимычу нужна другая партия — и пусть даже в качестве первой подружки из музыкальной школы!

— Поэтому мы намеренно сегодня пришли позднее, чтобы вывести эту особу на чистую воду! — продолжала маман в красном пальто. — Потому что я

этого так не оставлю! Мы платим такие деньги, а она вечно опаздывает! Нет, я приму меры!

Лариса тотчас поверила, что эта мать-тигрица в безразмерном красном пальто и старомодной черной шляпе примет меры. Учительница сольфеджио была молодой, с новаторским подходом, что, кажется, не угодило вкусам консервативных мамаш.

Телефон Ларисы снова ожил, и, бросив взгляд на дисплей, она поняла, что это опять Алла Георгиевна. Быстро поцеловав сына, она сунула ему в руку робота Электоника и сказала:

— Я заберу тебя как обычно. Если что, позвоню. Ну, или ты звони, Тимыч!

Телефон продолжал разрываться. Алла Георгиевна была человеком нетерпеливым. А сегодня Лариса уже заставила ее ждать.

— Какой у тебя крутой робот! — воскликнула девочка в очках и беретке, широко улыбнулась, и Лариса увидела, что на кривеньких зубах у нее сидят уродливые брикеты. Но Тимычу, похоже, льстило внимание этой пигалицы. Нет, ведь есть девочки намного симпатичнее...

— Его зовут Электоник, он умеет все! — сообщил сын и, похоже, забыв, что только что не желал брать робота в руки, начал что-то увлеченно рассказывать девочке в очках и беретке. — Без «р», потому что, смотри, «р» в надписи у него на груди быстро стерлась...

Телефон все еще звонил. Лариса приняла звонок и, извинившись, попросила Аллу Георгиевну пару секунд подождать. Хотя прекрасно понимала, что такое всегда чревато...

Поцеловав сына, который постарался извернуться, ибо не терпел все эти «телячьи нежности» на людях, Лариса поняла, что времени катастрофически не хватает. Планерка, а еще это поручение Аллы Георгиевны...

Мамаша в красном пальто, похоже, поняла, в чем дело, и деловито сказала:

— Мы вашего Тиму отведем, вы не беспокойтесь. Я сама, лично прослежу. Все равно ведь надо эту особу, так называемого педагога, на чистую воду вывести.

Лариса прижала руку к груди — обычно она проводила Тимыча до класса на третьем этаже, но сегодня ей надо было выполнить поручение Аллы Георгиевны...

— Да, Алла Георгиевна, слушаю! Извините, что заставила вас ждать, но я как раз сейчас заехала по вашему поручению на Ленинский проспект... — соврала она. Начальница хмыкнула и соизволила даже заметить, что не ожидала такой прыти, ей, Ларисе, отнюдь не свойственной. Так и сформулировала — однако это был, как знала Лариса, большой комплимент. И тотчас стала сыпать словами, давая новое задание, ведь раз Лариса уже на Ленинском...

Лариса проводила взором трицу, которая исчезла за металлической дверью музыкальной школы, — сначала девочку в беретке, держащую в руках робота Электоника, потом ее массивную мамашу в красном пальто и, наконец, Тимку.

Тимка на пороге обернулся и улыбнулся Ларисе, которая замерла около бордюра, внимая распоряжениям Аллы Георгиевны. Мать помахала ему рукой, а сын важно кивнул головой, потом пятерней пригладил торчащие вихры (его фирменный жест) и шагнул в освещенное фойе музыкальной школы.

— А потом вам нужно все это привезти сюда и успеть до шести. Справитесь.

Это был не вопрос, а безапелляционное утверждение. Лариса знала, что не справится, потому что времени не хватит, придется тогда и Тимыча забирать позже, но ничего, она ему пришлет СМС, он будет ее ждать в фойе музыкалки, они так уже поступали.